Светлана Файзрахманова

В плену желаний

Светлана Файзрахманова

В плену желаний

«Автор»
2026

Файзрахманова С.

В плену желаний / С. Файзрахманова — «Автор», 2026

Два друга — медик Захар, одержимый поиском кладов, и юрист Никандр, запертый в золотой клетке семейного бизнеса. Одна находка в старинной усадьбе — и их жизнь переворачивается. Древний дух Воеводы вселяется в хозяина этой усадьбы. Ожившее прошлое, опасные приключения и встреча с московскими красавицами-двойняшками заставляют каждого сделать выбор: свобода или любовь, покой или риск.Но главный клад, который предстоит найти героям, — не золото, а самих себя.

© Файзрахманова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Захар 5
Глава 2 Тайна 7
Глава 3 Капище 10
Глава 4 Древний воин 12
Глава 5 Не простое решение 15
Глава 6 Пациентка 18
Глава 7 Письма 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

В плену желаний

Глава 1 Захар

Захар ерзал в кресле. Оно бесило своей чрезмерной мягкостью, совершенно не подходящей для его взвинченной натуры. Он сверлил взглядом окно. За стеклом Киров медленно и неотвратимо погружался в осенние сумерки. Две тысячи пятнадцатый год. В кармане куртки жег бедро смартфон со справочником старинных монет, а в голове пульсировала карта заброшенных усадеб Вятской губернии.

— Ирина Валентиновна! — начал он, не в силах оторвать взгляд от болезненно-желтых кленов за окном. — Вы знаете Никандра с детства. Помните, каким он был?

Психолог, мамина подруга, сидела напротив. Ее кабинет в поликлинике казался невыносимым островком спокойствия в мире, который Захар воспринимал как одно сплошное, кричащее приключение, ожидающее своего часа.

— Ник? — Ирина Валентиновна улыбнулась уголками губ. — Всегда серьезный. Уже в пятом классе рассуждал словно взрослый.

Захар задумался, и в памяти вспыхнул образ: им с Ником пятнадцать лет, душное лето, заброшенный сарай на окраине города. Он, Захар, уже тогда сходил с ума от зова неизведанного. А Никандр принес с собой пару хот-догов, фонарик, компас и планшет, куда методично, до скрежета зубовного, записывал «параметры экспедиции».

— Я его уговорил поехать исследовать старый дом на Пушкинской! Сказал, вдруг там клад спрятан! Клад мы не нашли, зато нас целый день искали! Родители всю полицию на уши поставили!

Он помнил, как они сидели в полуразрушенном подвале, при свете фонарика, и Никандр, вместо того чтобы трястись от страха, объяснял ему как по расположению балок вычислить возраст постройки.

— Вечером нас нашли. Мне от матери ремня досталось! — Захар усмехнулся. — А Никандру? Его отец лишь холодно посмотрел на него и отчеканил: «Если ты и вправду собираешься стать юристом, должен уметь оценивать риски. Завтра будешь разбирать судебную практику по делам о нарушении границ частной собственности».

Ирина Валентиновна мягко покачала головой:

— И что же тебя так изводит сейчас, Захар? У тебя важная работа, есть квартира. Кажется, все стабильно.

— Стабильно?! — Захар резко развернулся к ней всем корпусом. — Ирина Валентиновна, я каждый день вижу одни и те же проклятые стены хирургии! Одних и тех же пациентов! Я знаю, каким будет мой завтрашний день, и послезавтрашний, и через год! Это же петля! А Никандр крутой юрист в фирме отца. Ходит в костюмах, которые стоят как три мои зарплаты. Вечно твердит о законах и сроках исковой давности!

Он замолчал.

— Мы выросли. Но я все тот же! Все так же хочу, — он отчаянно взмахнул руками, — приключений! Настоящих! Не тех, что в компьютерных играх! А он стал таким взрослым. Правильным. Скучным до тошноты!

— И ты хочешь его изменить?

— Нет! Я хочу, чтобы он вспомнил! Вспомнил, каково это — чувствовать, что мир огромен и полон тайн! Иногда я беру его в некоторые экспедиции. В прошлом месяце мы ездили в заброшенную усадьбу под Слободским. У меня новый металлоискатель, современный! Ищем

клады! А он стоит рядом, смотрит на часы и бубнит: «Захар, у меня завтра совещание в девять. И ты нарушаешь три статьи об охране объектов культурного наследия».

Захар шумно выдохнул, снова уставившись в окно. Улицы зажигали фонари.

— Я не понимаю, как можно так жить! Работать, чтобы зарабатывать, тратить, и снова работать, работать! Все деньги мира не соберешь! А жизнь — она одна! И она проходит! Сижу я на дежурстве ночью, смотрю на звезды в окно и думаю: где-то там есть места, где никто не был! Тайны, которые ждут! А мы здесь, в своих клетках!

Он умолк. В кабинете повисла тишина, только назойливо тикали часы на стене.

— Что ты хочешь от меня, Захар? — спросила Ирина Валентиновна. — Совета?

— Да! — Он посмотрел на нее в упор, почти с мольбой. — Как ему объяснить? Как сделать так, чтобы он увидел, чтобы он почувствовал?! Или мне отпустить его? Оставить в его мире костюмов и договоров?

Психолог задумалась.

— Люди меняются, Захар. Но сердце помнит все. Даже то, что ум пытается забыть. Может быть, твой друг не стал другим. Может быть, он намеренно спрятался.

Захар вскинул брови:

— Спрятался? От чего?

— От себя. От того мальчика, который верил, что в старом доме на Пушкинской действительно может быть клад.

За окном пронеслась стая птиц, темные силуэты на фоне багряного, как рана, заката.

— Что же мне делать? — прошептал Захар.

— Расскажи ему про тот день, — сказала Ирина Валентиновна. — Про то, как вы сидели в подвале. Про то, что ты чувствовал. И спроси, что чувствовал он.

Захар кивнул, резко вставая. В кармане зазвонил телефон. Он взглянул на экран — Никандр.

— Извините, Ирина Валентиновна, мне пора! Спасибо!

— Удачи, Захар. И будь осторожен. Иногда, когда мы ищем сокровища, мы находим совсем не то, что ожидали.

Он выскочил в коридор, прижал телефон к уху:

— Ник, привет!

Голос Никандра звучал загадочно — сдержанно.

— Захар, ты где? Мне нужно тебе кое-что показать.

— Что такое? Опять нашел какую-то статью про мои нарушения?!

— Нет! — Пауза была мучительной. — Я по поводу, короче, едь быстрее. Там очень странная легенда всплыла.

Захар замер посреди коридора как вкопанный. Сердце забилось бешено.

— Какая легенда?!

— Про усадьбу, в которой замуровали клад.

— Где встречаемся?! — выдохнул Захар, уже срываясь к выходу.

— У меня в офисе. Приезжай быстрее. И, Захар…

— Что?!

Связь оборвалась.

Он улыбнулся, почувствовав знакомый, сводящий с ума трепет. Приключение начиналось! И на этот раз — для них обоих!

Глава 2 Тайна

Офис Никандра располагался в историческом сердце Кирова, в отреставрированном купеческом особняке XIX века. Захар, привыкший к казенному унынию больничных коридоров, всегда чувствовал себя здесь чужаком. Старинный паркет благородно поскрипывал под ногами, в воздухе витал аромат лакированного дерева и дорогого кофе, от которого у Захара сразу начинало сосать под ложечкой.

Ник ждал за массивным дубовым столом. Среди идеальных стопок документов выделялась папка с пожелтевшими листами, поверх которой лежала свежая распечатка.

— Садись, — Ник кивком указал на кресло. Его лицо, обычно непроницаемое, как у сфинкса, сегодня выдавало едва заметное волнение.

Захар плюхнулся в мягкую кожу кресла, небрежно бросив рюкзак с металлоискателем у ног.

— Ну, колись, — нетерпеливо бросил он. — Что ты там раскопал?

Ник молча открыл папку. Сверху лежала копия статьи.

— Читай, — он протянул лист.

«Вятскія Губернскія Вѣдомости», 1873 год.

Захар пробежал глазами по тексту, набранному старинным шрифтом с «ятями» и твердыми знаками:

«О чудномъ завершеніи строительства усадьбы господъ Орловыхъ въ селѣ Подгорномъ»

«...Возведеніе каменныхъ палатъ купца первой гильдіи Ѳедора Орлова сопровождалось странными и необъяснимыми происшествіями: то лѣса рушились, то работники гибли. Старожилы шептались о "духѣ мѣста", коий не желаетъ допускать каменную постройку на священной для него землѣ. Глава семейства обратился къ попу, но освященіе не помогло. Мѣстный знахарь совѣтовалъ "умилостивить Хозяина". По его указанію, въ полночь при полной лунѣ, подъ сѣверо-восточный уголъ фундамента былъ зарытъ мѣшочекъ съ золотыми червонцами — "плата духу за дозволеніе строить". Съ тѣхъ поръ работы пошли безъ помѣхъ...»

Захар поднял глаза, в которых плясали искорки азарта:

— Да ладно! Это что, правда? Реальная статья?

— Архивная копия, заверенная, — пояснил Ник, доставая следующий документ. — А это карта усадьбы, составленная в 1875 году архитектором Шмаковым. Смотри внимательно.

Он указал на крошечный крестик в северо-восточной части плана.

— Здесь пометка: «мѣсто закладки». Как думаешь, этот мешочек до сих пор там лежит и ждет нас?

Захар подался вперед, едва не смахнув бумаги со стола.

— Не совсем, — улыбался он.

Ник перевернул страницу, его голос оставался ровным и деловитым.

— Отец ведет дела бизнесмена Артема Орлова. Тот выкупил усадьбу у государства в 2011-м. Оказалось, он прямой потомок тех самых Орловых. Стал ее восстанавливать. Узнал семейную легенду и загорелся идеей найти клад.

Захар почувствовал, как сердце гулко ударило в ребра:

— И? Нашел?

— Нет. Перерыл весь участок, как крот. Искал с георадарами — пусто. Потом пришел к отцу оформлять документы на землю и обмолвился... Сказал, что слышал, будто его сын дружит с «черным копателем».

— Эй! — возмутился Захар. — Я «свободный поисковик»!

— Орлову все равно. Он предложил сто тысяч за поиски. Наша задача — найти клад.

— Сто тысяч?! — Захар присвистнул. — Ник, ты серьезно? Это ж мне полгода вкалывать в больничке!

— Не прибедняйся, ты с продаж своих находок не бедствуешь. Я составил с Орловым договор, — Ник открыл папку, демонстрируя подписи и печати. — Все абсолютно легально. Мы выступаем как подрядчики. Ищем на его территории клад. Все найденное — его собственность. Наша оплата фиксирована — сто тысяч рублей.

Захар откинулся на спинку кресла, радость сменилась разочарованием.

— То есть, найти клад и отдать его этому буржую? — он скривился. — Ник, это же против всех принципов! Найти сокровище и просто сдать его по описи?

— Когда я сказал, что нас двое, — невозмутимо продолжил Никандр, проигнорировав выпад друга, — он ухмыльнулся: «Значит, свои сто разделишь пополам». Скупой человек.

— Но мы все равно в деле? — Захар с надеждой посмотрел на друга.

— В деле, — Ник закрыл папку, и его взгляд потеплел. — Не из-за денег, Захар. Из-за истории. В этой усадьбе после революции был медпункт, потом здание закрыли из-за ветхости. В девяностых чуть не снесли, но краеведы отстояли как исторический памятник.

Он посмотрел прямо в глаза другу: — Ты же сам всегда твердил: главное — приключение. Вот оно.

Захар расплылся в широкой улыбке. Это был тот самый Ник, которого он знал с песочницы. Не юрист в дорогом костюме, а историк-романтик в душе.

— Черт с тобой, уговорил! Когда едем?

— Завтра на рассвете. Снаряжение я уже подготовил. Позвони в больницу, поменяйся сменами если дежуришь.

***

Утро встретило их хрустальным, пробирающим до костей холодом. Захар подкатил к дому друга на своей боевой «Ниве». В багажнике уже лежали верный металлоискатель «Garrett AT Pro», лопаты, щупы и навигатор. Ник вышел из подъезда, нагруженный двумя объемными кейсами.

— Ого! Это еще что за арсенал? — Захар округлил глаза.

— Георадар «Лоза-В», — Ник бережно, словно младенца, уложил прибор в багажник. — Арендовал на двое суток. Плюс дрон с камерой для аэрофотосъемки. И вот, — он продемонстрировал планшет, — 3D-модель усадьбы, построенная на базе архивных чертежей и актуальной спутниковой съемки.

Захар смотрел на все это, открыв рот:

— Ничего себе... Буржуй! Дрон, радар... Мы что, золото ищем или базу инопланетян?

Ник хмыкнул, занял пассажирское сиденье и пристегнулся. — Если уж искать, то методично и с умом.

Они выехали из города. За окном мелькали унылые осенние поля и редкие деревеньки. Дорога петляла в сторону Мурашинского района.

— Давай, просвещай, — попросил Захар, вдавливая педаль газа. — Что там за история?

Ник активировал планшет:

— Усадьба Орловых, постройка 1870–1873 годов. Эклектика с элементами русского узорочья. Двухэтажный каменный дом, флигель, конюшни, остатки парка. Орловы торговали хлебом и льном, были людьми состоятельными. Федор Орлов слыл известным меценатом — школу построил, церкви помогал.

— А про духа? — перебил Захар. — Что там за чертовщина была?

— В вятском фольклоре есть понятие «хозяин места», — голос Ника звучал размеренно, как на лекции. — Считалось, что у каждой локации есть свой дух-покровитель. Строить без его ведома — навлекать беду. Подношение золотом — ритуал редкий, но задокументированный. Обычно отделывались хлебом-солью или медной монетой под угол.

— И ты реально веришь, что мешочек лежит там, где крестик на карте? — ухмыльнулся Захар.

— Если архитектор отметил — значит, было основание. Другое дело... — Ник на секунду задумался. — За полтора века ландшафт изменился. Фундамент могли подливать, землю перекапывать при прокладке коммуникаций.— Странно, что Орлов не нашел?

— Потому что искал не там, — Захар самодовольно усмехнулся. — Все эти бизнесмены думают, что клад — это просто банка с монетами в грядке.

— А на самом деле? — Ник с интересом повернулся к нему.

— Духи, брат, они с юмором, — в голосе Захара зазвучали таинственные нотки. — Если уж они принимают плату, то прячут её так, что просто так не отдадут. Я читал пару заметок старых путешественников.

Ник посмотрел на него долгим взглядом, затем медленно кивнул:

— Возможно, в твоих словах есть рациональное зерно.

Они ехали молча несколько минут. Пейзаж за окном менялся: равнину сменили холмы, потянулись густые леса.

— Слушай, Ник, — Захар нарушил тишину, голос его стал серьезным. — Спасибо, что позвал. Правда.

— Я же обещал, — уголки губ Никандра чуть дрогнули в улыбке. — Помнишь? Мы в детстве клялись, что найдем настоящее сокровище вместе.

— Помню, конечно. Кто ж такое забудет?

Машина свернула на грунтовку. Старая, величественная березовая аллея вела к полуразрушенным каменным воротам. За ними в серой дымке виднелся силуэт двухэтажного дома с новой черепичной крышей.

Усадьба Орловых. Место, где полтора века назад купец заключил сделку с духом.

Захар заглушил двигатель. Вязкая тишина, нарушаемая лишь шорохом опавших листьев, тут же обволокла машину.

— Ну что, — Захар потер руки, глядя на свежепобеленное здание усадьбы. — Погнали?

— Приступаем, — ответил Ник, открывая дверь.

Глава 3 Капище

Тень от усадьбы легла на раскопанную землю. Захар вытер пот со лба, оставив грязную полосу на лице. Они копали уже шесть часов. Северо-восточный угол фундамента был полностью вскрыт — старые бревна, почерневшие от времени, лежали как кости древнего зверя.

— Ничего, — Ник отбросил лопату. Его роба была в грязи, дорогие часы покрыты пылью. — Ни георадар, ни металлоискатель. Ни черта не определили.

Захар молчал. Он водил щупом по бревнам, прислушиваясь к писку прибора. Тишина. Только ветер шелестел опавшими листьями по каменному фундаменту.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в багровые тона. День умирал, а вместе с ним — надежда.

— Давай кофе попьем, — Ник опустился на землю, прислонившись к вскопанному грунту.

Захар достал термос, налил в крышку. Кофе пахло горько и утешительно. Они сидели молча, глядя на свою неудачу. Шесть часов копали. И — ничего.

Ник неловко махнул рукой, отгоняя мошку. Крышка выскользнула, горячий кофе хлынул на одно из нижних бревен фундамента.

Бревно тускло засветилось. Сначала слабо, как тлеющий уголек. Потом ярче. Свет был странным — не желтым, не белым, а каким-то... бордовым что ли. Цветом заката над полем битвы. Цветом старой крови.

Они замерли, переглянувшись.

В голове что-то щелкнуло. Не звук. Не голос. Скорее... понимание. Слово, возникшее из ниоткуда.

– Давно...

Захар вскочил. Ник попытался подняться, но застыл на полпути.

– Давно мне никто подношений не делал.

Голос. Теперь точно голос. Грубый, скрипучий, как скрип старого дерева говорил не в ушах, а прямо в сознании.

– Да и кто сделает, коли меня, святый дуб, срубили да в основание дома подсунули.

— Так это ты... — Ник выдохнул, не отрывая взгляда от светящегося бревна. — Ты вредил строителям, когда дом строили?

– Они нарушили законы предков. К моим корням много жертв приносили. Сначала тела воинов и молодых красавиц. Потом больше животных. А позже вообще продукты стали таскать. За последние пару сотен лет только вы и принесли подношение.

Кофе. Они принесли кофе в качестве подношения. Случайно. Неловким движением.

— А ты можешь сказать, — Захар сделал шаг вперед, — где тут мешочек с золотом припрятан?

– Не припрятан. Отдан на откуп. Кто его возьмет — в того дух древнего воина вселится.

Тишина. Только сердцебиение, гулкое, как барабан.

— Не-е-е-е, — Ник покачал головой. — Духи нам не нужны. Нам только монеты.

Захар посмотрел на друга, потом на светящееся бревно. Идея пришла внезапно, как удар молнии.

— Тогда так сделаем, — он сказал быстро, почти не думая. — А если мы к тебе приведем хозяина дома? Пусть он сам монеты своей рукой возьмет.

– Ведите. Коли он хозяин дома.

— Ты с ума сошел! — Ник шикнул, пытаясь подняться. Ноги не слушались. — Он дух воина не потянет! Прощелыга продажный! А если он маньяком станет и пойдет крошить народ направо и налево? Ты будешь отвечать?

— Ладно! — Захар махнул рукой. — Зароем все к утру и уедем. Скажем, что не нашли клад.

Он посмотрел на друга и замер.

Земля вокруг него зашевелилась. Не корни — их не было, дерево-то срубили два века назад. Но сама почва. Она поднималась, обвивая его ноги, сжимая, тянула вниз, как будто сама земля помнила, что когда-то здесь были корни могучего дуба.

— Ник! — Захар дернулся к нему.

Ник сидел на земле, не двигаясь. Его опутала земля. Он пытался пошевелить рукой — пальцы лишь дрожали.

– Веди хозяина.

Голос прозвучал в голове, и на этот раз в нем была угроза.

– Или я возьму этого умника в жертву.

— Нет! — Захар закричал. — Не надо жертв!

Он потянулся к карману. Телефон. Пальцы нащупали холодный пластик.

— Я позвоню!

Захар тыкал в экран дрожащими пальцами. Контакты. Орлов. Звонок.

Гудки. Долгие, бесконечные.

— Алло? — сонный, раздраженный голос.

— Мы нашли клад! — Захар выпалил, задыхаясь. — Срочно приезжайте!

— Что? — Орлов прочищал горло. — Который час? Вы что, не могли до утра подождать?

— Нет! Это не терпит! Сейчас же приезжайте!

Он сбросил звонок, руки тряслись.

Ник сидел на земле, бледный как полотно. Грунт обвивал его все плотнее.

— Держись, — прошептал Захар. — Держись, черт возьми.

Он схватил лопату, лежавшую рядом. Рубил по сжавшей друга земле. Лопата звенела, отскакивала. Почва лишь сильнее уплотнялась, утягивая Ника вниз.

— Перестань! — крикнул Захар в сторону светящегося бревна. — Он едет! Хозяин едет!

Свет в бревне пульсировал. Медленно. Как сердцебиение спящего гиганта.

Земля перестала сжиматься. Но и не отпустила. Ник мог дышать, но не мог двинуться.

Захар опустился рядом, положил руку на плечо друга.

— Черт, — прошептал он. — Как же так...

— Молчи, — Ник закрыл глаза. — Просто... молчи.

Они сидели в темноте. Свет от бревна освещал небольшой круг. За его пределами — ночь. Глубокая, осенняя, полная теней.

Где-то вдалеке завыла собака. Или волк.

Захар смотрел на дорогу. Ждал фар. Ждал спасения.

А в голове звучал один вопрос: что они натворили?

И второй, еще страшнее: что будет, когда приедет Орлов?

Глава 4 Древний воин

Холодный свет фар вспорол ночную хлябь, точно хирургический нож. Тяжелый «Мерседес» Орлова замер у самого края раскопа, выхватив из темноты две застывшие, перепачканные глиной фигуры. Дверь распахнулась, и на сырую землю ступил Артем Орлов. Дорогое кашемировое пальто казалось чужеродным пятном в этом забытом богом углу Мурашинского района, а лицо хозяина, искаженное яростью, выглядело мертвенно-бледным в лучах ксенона.

— Ну и где тут золото? — он полоснул взглядом по черному зеву ямы, затем перевел его на друзей. — Вы в своем уме? Одинадцать ночи!

Захар, не проронив ни слова, указал вниз. Там, в развороченном чреве земли, среди липкой глины, в свете фонорей, покоился холщовый мешочек. Потемневший от вековой сырости, покрытый склизким налетом времени, он, тем не менее, казался пугающе целым.

— И что, сами не сподобились достать? — скривился Орлов.

— Только истинный хозяин усадьбы может сделать это, — без тени сомнения, проговорил Захар.

Орлов лишь презрительно фыркнул. Спустился в раскоп, подошвы дорогих туфель чавкнули в грязи. Он присел на корточки, жадно протянул руку. Пальцы, привыкшие к сенсорным экранам и хрусту купюр, сомкнулись на грубой, ледяной ткани.

И в этот миг полыхнуло.

Это не был гром или удар молнии. Раздался лишь сухой, потусторонний треск, похожий на звук лопающейся кости. Бордовое марево окутало Орлова коконом. Он замер, зрачки расширились, поглощая радужку. А мгновение спустя он рухнул навзничь, словно подкошенный невидимым бердышом.

Мешочек остался зажат в его кулаке мертвой хваткой.

— Господи... — Ник, еще минуту назад чувствовавший, как его ноги врастают в землю, вдруг обрел свободу. — Он жив? Захар, мы его убили!

Захар уже мертвой хваткой вцепился в его плечо, толкая в сторону своей «Нивы».

— Бежим! Быстро, пока не поздно!

— Погоди! — Ник рванулся, едва не упав. — Мы не можем просто уехать! Может, его еще можно спасти? Надо вызвать скорую, полицию...

— С ума сошел? — Захар тряхнул его за грудки. — Глянь кругом: наши отпечатки на лопатах, наши следы в яме! Нас же первых и закроют за убийство!

— В том-то и дело, — Ник тяжело задышал, — нас все равно вычислят. Надо проверить его. Только быстро. Одна минута.

Они осторожно подошли к краю. Орлов лежал раскинув руки. Дыхания не было видно.

Захар, преодолевая тошнотворный страх, спустился вниз и прижал пальцы к сонной артерии бизнесмена.

— Пульс есть... — прошептал он, и в его голосе прорезалось недоумение. — Сильный. Слишком сильный для человека в обмороке. Словно молот внутри стучит.

— Давай, тащим его наружу!

Напрягаясь, они подхватили обмякшее тело под мышки и вытянули наверх, уложив на жухлую траву.

Захар инстинктивно обернулся к старому бревну, что лежало на фундаменте. Багровое свечение погасло. Теперь это было просто гнилое дерево — почерневшее, древнее, залитое остатками пролитого кофе.

— Дуб... молчит, — едва слышно произнес Ник.

— Эй! — сорвался на крик Захар, обращаясь к бревну. — Жертву принял, и в кусты? Говори, идол! Отвечай!

Тишина была ему ответом. Лишь ветер стонал в кронах да где-то далеко в деревне завыло что-то тоскливое, нечеловеческое.

И тут Орлов зашевелился. Сначала дернулись пальцы, еще крепче сжавшие клад. Он сел — медленно, неестественно прямо, словно его тело поднимали невидимые нити. Пробуждение не было похожим на выход из обморока.

Он открыл глаза.

Это были не глаза Артема Орлова — дерганого коммерсанта. На Ника и Захара смотрел кто-то другой. Взгляд был ледяным, бездонным и пугающим. Так смотрит воевода на захудалое ополчение перед безнадежным боем.

Орлов поднялся на ноги, не опираясь на руки. Отряхнул пальто, словно это была кольчуга, и окинул парней оценивающим, тяжелым взглядом.

— Ну что, холопы, уставились? — голос был его, но интонации изменились до неузнаваемости. В них зазвучал металл и рокот весеннего ледохода на Вятке. — Заждалась земля русская своего защитника.

Захар и Ник застыли, не смея пошевелиться.

— Артем... — выдавил Ник.

— Воевода, — властно оборвал его Орлов. — Или господин.

Он двинулся к усадьбе уверенным шагом человека, который знает здесь каждый камень, каждое потайное место. У самого крыльца он обернулся, встряхнув холщовый мешочек. Монеты внутри отозвались тяжелым, сытым звоном.

— А это... в казну.

Он вошел в дом, не оглядываясь, оставив друзей в полуночных сумерках.

***

Утро застало Захара на дежурстве. Голова гудела, словно внутри поселился рой шершней. Адреналин выгорел, оставив лишь пепельную усталость.

— Спасибо, Лен, — он протянул коллеге коробку конфет. — Выручила, что подменила.

Леночка вспыхнула, как маков цвет. В их отделении все знали о ее тихой, восторженной любви к Захару. Она смотрела на него глазами преданной собаки, готовой на все.

— Захар, может, как-нибудь в кино... или просто погуляем? — робко начала она.

— Работа, Лен, работа, — Захар выдавил дежурную улыбку и поспешил скрыться в процедурной.

Ему было не до сантиментов. Эта влюбленная дурочка была не в его вкусе — слишком правильная. Его вполне устраивала Лариса из лаборатории — циничная, острая на язык и знающая цену свободе. С ней был просто секс, ни к чему не обязывающий.

Телефон в кармане мелко задрожал. Смс-уведомление: «Зачисление 50 000 руб. Отправитель: Никандр Андреевич С.».

Захар выдохнул. Деньги пришли. Но на душе было гадко. «Еле ноги унесли, — подумал он. — К черту такие сокровища».

***

Ник сидел в своем офисе в центре Кирова. Перед ним лежал договор с Орловым. Юридически всё было безупречно. Сто тысяч гонорара получены, доля Захару отправлена. Жизнь должна была вернуться в привычную колею.

Но, глядя в окно на серые улицы, он видел лишь тот разряд и глаза, ставшие чужими.

Звонок разрезал тишину кабинета. На экране высветился номер Орлова.

— Алло?

— Никандр Андреевич? — голос в трубке был спокойным. — Это Артем Орлов.

— Да, Артем, слушаю вас.

— У меня есть предложение о дальнейшем сотрудничестве. Вы юрист дельный, хваткий. Мне нужен человек, чтобы юридически оформить... одну структуру.

— О чем речь? — Ник почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Организация. Религиозная, если угодно. «Общество ревнителей древних традиций». Будем возрождать уклад, проводить обряды на исконной земле. Капище строить.

— Артем, вы в своем уме? Какое капище в двадцать первом веке?

В трубке раздался смех. Скрипучий, неприятный, словно старые ворота на ветру.

— Я уже велел посадить новый дуб у крыльца. Прежний хозяин вернулся, Никандр. Люди потянутся, почуют силу. Будут нести дары.

— Это безумие! — Ник вскочил с кресла. — Вы хоть понимаете, во что ввязываетесь?

— Я собираюсь жить в своем имении так, как жили мои пращуры, — голос Орлова стал стальным. — А вы займете место моей правой руки. Ведающим будете.

— Нет! — отрезал Ник. — Я не буду в этом участвовать.

— Жаль, — последовала короткая, тяжелая пауза. — Но у вас есть друг. Захар. Импульсивный малый. Полагаю, он проявит больше интереса.

— Не трогайте Захара! — выкрикнул Ник в пустоту, но связь уже оборвалась.

Он долго сидел, сжимая телефон. Дрожащими руками набрал номер друга.

— Захар, слушай меня внимательно...

— Что-то срочное? — голос Захара был заспанным и раздраженным. — Я после смены.

— Орлов звонил. Он окончательно слетел с катушек. Открывает какую-то секту, строит капище.

На том конце воцарилась тишина. А потом — нервный, дерганый смех.

— Ты шутишь? Секта?

— Не до шуток, Захар. Он сказал, что ему нравятся такие, как ты. Сильные духом.

Пауза затянулась. Когда Захар заговорил снова, смеха в его голосе больше не было.

— И что нам теперь делать?

— Не знаю, — честно признался Ник. — Мы думали, что спаслись, а на деле — выбили пробку из бутылки. Теперь там, в лесах под Мурашами, сидит нечто с двумя душами. И я боюсь, что делец в нем долго не протянет. Воевода возьмет свое.

— А что будет, когда он окончательно проснется?

— Надеюсь, мы этого никогда не узнаем, — ответил Ник, глядя на то, как над Вяткой сгущаются тяжелые, свинцовые тучи.

Он положил трубку. Где-то там, в старой усадьбе с новой крышей, под сенью молодого дуба, человек с глазами призрака уже начинал свой обход территории. И каждый его шаг отзывался в земле гулким эхом прошлого.

Глава 5 Не простое решение

Киров. 30 сентября 2015 года.

Телевизор в квартире Захара не ограничивался будничным фоном — он изрыгал новости, заполняя тесную гостиную хрущевки холодным, мертвенным светом ЖК-экрана.

Слова диктора новостей прервались и на экране появилось “Райское наслаждение”.

Ник перевел взгляд на журнальный столик, там стояла вазочка с Bounty.

–Серьезно? Мы же пиво собрались пить, ты будешь его закусывать конфетами?

Захар хохотнул: – Чипсы тоже есть. “Яркие моменты вкуснее с Lay’s”.

–Твои гастрономические вкусы основываются на рекламе? - подколол его Ник.

Парни уселись у телевизора, дослушивая ролик про “райское нслаждение”, рука сама потянулась к конфетам. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Через полчаса на столике образовалась горка фантиков, Никандр осмотрел ее и мысленно заключил: “Вот оно, пагубное влияние рекламы на умы человечества.”

– Переключи на новости, - попросил он друга.

***

Диктор чеканил слова, и каждый слог падал, как гильотина:

«...Совет Федерации единогласно одобрил использование Вооруженных сил Российской Федерации за пределами страны. Президент подписал соответствующий указ. Российская авиация начинает операцию в Сирийской Арабской Республике...»

Захар рванулся к пульту и вдавил кнопку громкости с такой силой, что хрустнул пластик. Звук исчез, но тишина, ворвавшаяся в комнату, была еще страшнее. Она давила на барабанные перепонки, тяжелая, как сырая земля.

— Ну вот... — выдохнул Ник, и его голос сорвался. Он отставил бутылку, и та глухо стукнулась о столешницу. — Началось. Опять нашим парням гибнуть...

Они сидели в гостиной, среди крошек чипсов, фантиков и пустых бутылок. Тот липкий страх, что поселился в них в проклятой усадьбе, не исчезал. Даже алкоголь не помогал. Плюс неутешительные новости и вовсе ввергли друзей в уныние.

Телефон Ника забился в конвульсиях вибрации по дереву стола. Никандр вздрогнул, его лицо исказилось в болезненной гримасе.

— Орлов... — прошептал он, глядя на экран как на ядовитую змею.

— Не бери трубку, Ник! — Захар подался вперед, его пальцы впились в край стола.

Но Ник, словно находясь в трансе, поднес аппарат к уху.

— Да, я слушаю.

Из трубки донесся грубый, хрипящий голос.

— Никандр Андреевич, — прохрипело в трубке. — Весть тебе несу. Иду добровольцем по контракту.

Ник сел, его глаза расширились, зрачки затопили радужку.

— Что? — выдохнул он. — Куда, Артем?

— В Сирию. На сечу. Кровь проливать.

— Артем, вы в своем уме?! — Ник снова вскочил со стула. — У вас бизнес!

— Имение под присмотром останется, — в голосе снова прорезался металл и ледяное презрение древнего воина к мирской суете. — Что меня тут держит – базарная возня, смердящий дух наживы. А там — ратное дело. Честь. Слава.

Ник зажмурился.

— Когда?

— Завтра. Месяц муштры — и на восток. Не мог до вашего батюшки дозвониться. Он дела мои ведет, хотел передать, если мой земной путь прервется... имение не смейте продавать. Оставьте. Я вернусь. Слышишь? Я всё равно вернусь.

Связь оборвалась коротким гудком. Ник медленно опустил руку. Телефон выпал из пальцев на стол.

— Он едет по контракту...

Захар схватил свою бутылку и выпил остатки теплого пива залпом, едва не подавившись.

— Это самоубийство! Он же холеный торговец! Что он понимает в современной войне?!

— Он — ничего не понимает, — отозвался Ник. — Но Воевода хочет крови. Древний дух хочет убивать.

Они замолчали, раздавленные этой истиной. За окном дождь превратился в неистовый ливень, хлеставший по стеклам, словно пытаясь прорваться внутрь. На экране телевизора, который Захар забыл выключить, мелькали беззвучные кадры авиаударов — огненные грибы.

— Это наша вина, — прошептал Захар, обхватив голову руками.

— Нет, — отрезал Ник. — Он сам выбрал это золото. Наша вина лишь в том, что мы наивно считали легенды сказками. Думали, что мы умнее предков… Никто уже не верит в мифы, пока они не начинают жрать заживо.

— А если он там начнет убивать? — голос Захара сорвался на истерический фальцет. — Если этот Воевода проснется в бою в полную силу? Что он сотворит с людьми? А если его убьют... куда денется эта сущность? Переселится в того, кто будет рядом? Это же зараза, мистическая чума!

— Нам надо быть осторожнее. И молчать об этом.

– Нам все равно никто не поверит.

***

Вечер превратился в тягучую пытку. Алкоголь не давал забытья, он лишь обострял чувства, делая страх почти осязаемым. Захар нервно вертел в руках пустую бутылку, изучая этикетку, словно там был зашифрован ответ.

— Я ведь раньше думал... — начал он. — Что я видел всё. Я ведь копал на западе России. Смоленщина, Вязьма... Ты не представляешь, что там за земля, Ник.

Никандр поднял на него тяжелый взгляд.

— И что?

— Я находил там горы касок. Советские, немецкие — они вросли друг в друга ржавчиной, как скелеты в объятиях. Гильзы, винтовки, пистолеты... Но ни разу никаких призраков не встречал.

–Захар, зачем тебе это?

– Хотел собрать коллекцию. Думал — трофеи. А потом понял: нельзя. Оружие, даже гнилое, даже если затвор не двигается — оно требует крови. Оно фонит смертью. Я сдавал его в музеи! Дарил им эти чертовы каски, котелки. Стал для них «благотворителем»!

— А продавал на аукционах тогда что?

— Монеты, — Захар махнул рукой. — Личные вещи, украшения древние. Их можно продавать на аукционах, если историки разрешат. Я общался с «Черными копателями»... Упыри. Они вскрывали могилы, срывали ордена с истлевших мундиров, зубы золотые выбивали... Но даже они никогда не рассказывали про призраков!

Он с грохотом поставил бутылку на стол.

— Я думал, что прикасаюсь к истории! Но то, что случилось в усадьбе... капище... эти древние тени... Это не история, Ник! Это магия, черная, первобытная!

— Да, мы вляпались по самое... — добавил Ник.

— Да!

Они замолчали.

— Знаешь, если вдруг снова соберемся на раскопки, сначала изучим местные заговоры, поверья, мифологию, - сказал Ник.

Захар вдруг расхохотался.

— То есть... ха-ха... мы теперь не любители-историки? Мы теперь «эксперты-мистики»? Охотники за привидениями с металлоискателем?

Никандр попытался улыбнуться, но его губы лишь жалко дрогнули.

Захар продолжал смеяться, и в этом смехе сквозило чистое, незамутненное отчаяние. Он вспомнил ту ночь. Вспомнил, как земля чавкала под ногами, пытаясь затянуть его друга, как бледное лицо Ника светилось в темноте, словно маска смерти.

— Эксперты-мистики... — прошептал он, вытирая выступившие слезы. — Господи, Ник... Мы же всего-навсего два перепуганных идиота. Готовы ли мы к тому, что найдем в следующий раз? Если уже сейчас мы выпустили на волю нечто, что летит на войну в теле живого человека?

Ник не ответил. Он смотрел в окно, на промокшие, серые улицы Кирова. Где-то там, в холодном кабинете военкомата, завтра человек с расколотой душой подпишет приговор себе и многим другим. Одна его часть будет думать о деньгах, а вторая — та, древняя, вонючая от старой крови — будет предвкушать сечу.

Глава 6 Пациентка

После того безумного сентября время в Кирове словно застыло, превратившись в липкую серую массу. Октябрь и ноябрь пролетели в тумане: Ник закопался в арбитражные дела, пытаясь заглушить страх параграфами кодексов, а Захар всё чаще брал дополнительные смены в хирургии, что было ему не свойственно.

Орлов прислал лишь одно сообщение в ноябре — фото на фоне выжженной пустыни и текст: «Здесь земля помнит другие имена. Скоро свидимся». После этого — тишина.

К февралю страх притупился, сменившись изматывающей рутиной.

***

Кабинет психолога.

— Ты опять смотришь на часы, Захар, — Ирина Валентиновна чуть сдвинула очки на кончик носа. — Опасаешься, что мы докопаемся до чего-то важного?

Захар снова ерзнул в кресле. Ирина Валентиновна не была похожа на добрую тетушку. В её взгляде всегда читалась ирония человека, знавшего слишком много «о сыне маминой подруги».

— Мама звонила. Опять предлагает Катю, дочку тети Люды, «красавица и умница». Она думает, что мне нужна жена, борщ и воскресные походы с сыном.

Ирина Валентиновна сидела напротив, слушала. Ее кабинет был неизменным — книги, цветы на подоконнике, мерно тикающие часы.

— А тебе что нужно, Захар?

— Не знаю. Но не это. Не пеленки-распашонки. — Он устало провел рукой по лицу. — Я вижу, как люди живут. Один — с инфарктом в сорок пять, потому что на трех работах горбатился. Другая — с язвой, потому что детей поднимала, на всех злилась.

— Ты боишься стать таким?

— Я не хочу становиться таким. — Захар посмотрел в окно. — А Никандра, между прочим, отец не достает женитьбой. У него все хорошо. — Но он и не счастливый, — возразила Ирина Валентиновна.

Захар нахмурился: — Что? Я не говорил, что он не счастлив.

— Но и не сказал — «он счастливый». Есть разница.

Он задумался. — Может быть. Но хотя бы его не пилят.

Психолог переплела пальцы: — Захар, твоя мать беспокоится о тебе. Это нормально. Но твоя жизнь — только твоя. Ты имеешь право жить так, как хочешь. Даже если это не соответствует чьим-то ожиданиям.

— А как сказать ей это, чтобы не обидеть?

— Скажи правду. Не «я не хочу жениться», а «я не готов сейчас». Не «мне не нужна семья», а «мне нужно время, чтобы понять, какая семья мне нужна». И... — она улыбнулась, — напомни ей, что ты уже взрослый. Что ты справляешься.

— Она меня вряд ли услышит.

— Тогда это ее проблема, а не твоя. Ты не можешь прожить чужую жизнь. Захар кивнул. Звучало разумно. Но в реальности все было сложнее.

— Спасибо, Ирина Валентиновна.

— Всегда пожалуйста, Захар. Маме привет. И будь осторожен. Иногда, убегая от одной клетки, мы попадаем в другую.

***

Неделю спустя в хирургию привезли Марию Петровну. Острая непроходимость, запущенный случай. В приемном покое она выглядела как прозрачный лист пергамента, на котором жизнь забыла поставить точку.

Когда Захар перекладывал её на каталку, её пальцы, сухие и жесткие, вдруг впились в его предплечье.

— Послушай, сынок... — голос был едва слышным шелестом. — Родных у меня нет, а я чувствую, что это конец. Государство меня в общую яму закопает, как собаку. Не хочу...

— Бабуль, ну что вы такое говорите, — попытался отшутиться Захар, но она сжала руку сильнее.

— В тумбочке... пакет с вещами. Там письма. Забери их. Только похорони по-человечески, рядом с моим Иваном на старом городском. Обещай. Если поклянешься — письма твои. Я слышала, как медсестра говорила, будто ты кладоискатель.

Он пообещал. Не думая. Просто чтобы успокоить пациентку.

А про себя подумал: “Болтушки, только кости и умеют перемывать”.

Операция была долгой. Захар подавал зажимы, смотрел на мониторы, видел, как хирург хмурится под маской. Чуда не случилось. Сердце, изношенное девяноста годами одиночества, сдалось.

***

Когда тело Марии Петровны отправили в морг, Захар понял: по протоколу её действительно ждет «социальное» захоронение — безликий номер на бетонном столбике.

— Ты с ума сошел, — шептал Ник в трубку, когда Захар позвонил ему через час после смены. — Ты хочешь выдать себя за её племянника? Это же подлог!

— Ник, мне нужны эти письма. И я обещал. Помоги с документами, ты же юрист. Надо просто сделать вид, что нашелся «дальний родственник», готовый оплатить частные похороны. Больнице только легче будет — меньше бумажной волокиты с бесхозным трупом.

Ник долго молчал.

— В морге сидит Степаныч, он меня знает, — продолжал Захар. — Я скажу, что она двоюродная тетка по матери. Проверять никто не будет, если мы всё оплатим сами.

***

Через три дня они стояли на старом городском кладбище. Мороз выжимал слезы из глаз, снег забивался за воротник. Захар договорился с администрацией, «подмазав» нужных людей, чтобы Марию Петровну положили в старую ограду к мужу.

Священник торопливо отчитал положенное. Могильщики, пряча носы в воротники, быстро закидали яму мерзлыми комьями земли.

Ник топтался рядом, нервно озираясь.

— Всё, Захар. Мы это сделали. Идем отсюда, пока какой-нибудь настоящий родственник не материализовался.

Захар не ответил. Он вытащил из внутреннего кармана куртки сверток. Тот самый пакет из больничной тумбочки, который он «забыл» сдать на склад личных вещей, просто вычеркнув его из описи под прикрытием неразберихи в конце смены.

***

Они сели в «Ниву». Мотор натужно гудел, прогревая салон. Захар развязал выцветшую голубую ленту сковывающую письма.

В пакете лежали не только письма. Там был старый военный билет на имя Зайцева Ивана Сергеевича и пожелтевшая фотография: молодой офицер рядом с красивой стройной девушкой на фоне какого-то особняка.

Ник закинул фото в поисковик.

— Захар... Глянь: “Особняк княгини М. К. Кугушевой. После революции был разделен на коммунальные квартиры. В 1970-х годах их расселили, и здание передали под детскую художественную школу.”

— Поехали домой, — прошептал Захар. — Там и разберемся.

Глава 7 Письма

На столе лежали письма — пожелтевшие, с выцветшими чернилами. Захар осторожно достал первый листок.

— Читай, — сказал он Никандру.

Тот взял первое письмо. Дата: 12 января 1943 года. Штамп: "Проверено военной цензурой". Почерк — женский, аккуратный, но в некоторых местах чернила поплыли.

"Дорогая Машенька,

Пишу тебе из блокадного Ленинграда. Сегодня опять бомбежка, но мы живы, держимся, как можем. Вся надежда на поек мужа, если с ним что-то случится, я не выживу. Муж говорит, что положение тяжелое. Он сейчас дома почти не бывает — дни и ночи на работе. Они ловят и расстреливают мародеров и людоедов.

Машенька, я прошу тебя — если что случится со мной, помни о нашем разговоре. Ты знаешь, о чем я. Там не только мои драгоценности, но и память. Память о тех, кому они когда-то принадлежали.

Муж подарил мне их в день нашей свадьбы. Говорил, что это — трофеи. Конфискованы у князей. Но иногда ночью мне кажется, что они шепчут. Рассказывают истории своих прежних хозяек.

Береги себя, сестренка. И помни — восьмой ряд от пола. Северная стена, от правого угла.

Твоя Вера."

Захар взял следующее письмо. 1944 год.

"Маша, родная.

Блокаду прорвали. Но город — призрак. Люди как тени. Муж говорит, что скоро победа. Но я скорее всего не доживу до нее.

Вчера видела сон. Барыня в старинном платье. Плачет. Просит спасти ее дочь. Говорит, что отдала свои драгоценности, чтобы дочь осталась жива. Но он ее обманул.

Люблю тебя. Вера."

Последнее письмо. 1945 год. Уже после Победы.

"Сестренка.

Муж умер. Он многое видел. Многое делал.

Я одна. И скоро тоже уйду. Но перед этим хочу сказать: не бойся взять драгоценности. Они оплачены кровью. И теперь они — твои.

Прощай. Твоя Вера."

Захар положил письма на стол.

— Черт, опять призраки, — прошептал Никандр.

— И место клада, — добавил Захар. — Восьмой ряд от пола. Северная стена. Скорее всего в этом особняке.

— Ты думаешь?

— Да. Поедем в Питер. Проверим.

***

Санкт-Петербург встретил их мартовским туманом. Город-призрак, город-память. Они ехали по адресу из письма — Каменный остров, линия какая-то старая.

Дом старинный, дореволюционный. Трехэтажный особняк оказался художественной школой.

— Что будем говорить? — спросил Захар.

— Я подстраховался, сделал кое-какие документы, по ним должны пустить.

Захар открыл дверь. Их встретила сторож — женщина лет шестидесяти.

— Вера Петровна Зайцева? — задумалась она. — Моя мать рассказывала о ней. Мама здесь всю жизнь прожила, еще со времен коммуналок. Зайцев был из «органов», большой человек. После войны его репрессировали, как и многих из той обоймы. А Вера Петровна... красивая была, тихая, добрая. Все в подвал ходила, будто клад искала.

— Подвал можно посмотреть? — спросил Ник. — Мы из юридической фирмы, оформляем наследственные дела.

— Да что там смотреть... Идите, — махнула она рукой.

Подвал встретил их запахом плесени. Фонарик выхватывал из темноты гипсовые слепки, разбитые головы Давидов и груды старых мольбертов.

— Северная стена, — Никандр сверился с компасом. Захар начал отсчет. Восьмой ряд кирпичей от каменного пола. Он достал зубило. После третьего удара кирпич поддался. За ним обнаружился тяжелый сверток в просмоленном брезенте.

Внутри, в деревянной шкатулке, лежали драгоценности. Рубиновое колье и кольцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.